

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
89
СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
45

Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (со-председатель);
д.иск., проф. И.И. Тучков (со-председатель);
д.и.н., проф. Л.С. Белоусов; д.и.н. проф. Н.С. Борисов;
член-корр., д.и.н., проф. Л.И. Бородкин; д.и.н., проф. А.Г. Голиков;
д.и.н., проф. С.В. Девятов; д.и.н., г.и.н.с. Л.В. Кошман;
д.и.н. А.Р. Канторович; академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин;
д.и.н., проф. Л.С. Леонова; к.и.н. Н.В. Литвина;
д.фил.н., проф. О.В. Раевская; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
д.и.н., проф. С.В. Мироненко; член-корр., д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; к.и.н., доц. Ю.Н. Рогулов;
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин; д.и.н., проф. В.В. Симонов;
д.иск., проф. В.В. Седов; к.и.н. О.В. Соловьева;
к.и.н. А.А. Талызина; д.и.н. проф. Д.А. Функ.

Москва

2017

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

AMANT ALTERNA CAMENAE

Сборник статей к 60-летию И.И. Тучкова

Москва

2017

УДК 7.03 (082)

ББК 85.103я43

A46

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова (протокол №6 от 13 октября 2016 г.)

Вступительная статья С.С. Ванеяна

Предисловие С.П. Карпова

Редактор и составитель М.А. Лопухова

Со-редактор Е.С. Кочеткова

На обложке: Диего Веласкес. Сад виллы Медичи в Риме. 1630. Мадрид, Прадо

AMANT ALTERNA CAMENAE

Collection of essays in honor of Ivan Tuchkov

With prefaces by Sergey Karпов and Stepan Vaneyan

Edited by Marina Lopukhova

Co-editor Ekaterina Kochetkova

Научное издание

A46 Amant alterna camenae : Сборник статей к 60-летию И.И. Тучкова: Научное издание. — М. : Издатель Степаненко, 2017. — 624 с.

ISBN 978-5-901882-65-8

Настоящий сборник приурочен к 60-летию декана исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктора искусствоведения, профессора Ивана Ивановича Тучкова, известного российского ученого, специалиста по истории итальянского искусства эпохи Возрождения и Древнего Рима. В него вошли статьи видных историков и искусствоведов – коллег И.И. Тучкова по университету, его друзей, сотрудников крупнейших отечественных музеев и научно-исследовательских институтов, а также его учеников по кафедре всеобщей истории искусства исторического факультета МГУ, которой он руководит с 2007 года. Тематика статей охватывает широкий круг проблем отечественной и зарубежной культуры и раскрывает три основополагающих сюжета науки об искусстве. Это история ключевых терминов и понятий в истории искусства; историческая судьба отдельного художественного памятника и его историография, которая подчас становится иллюстрацией истории дисциплины в целом; наконец, аллегорическая презентация государственной власти и личности заказчика, его увлечений и вкусов, в памятниках дворцовой и загородной архитектуры, живописи, садово-паркового и интерьерного искусства от древности до Нового времени – проблема, которую много и успешно исследует сам И.И. Тучков.

Издание адресовано историкам, историкам искусства и архитектуры, культурологам, студентам и аспирантам, а также широкой аудитории, интересующейся проблемами мировой и отечественной художественной культуры.

ISBN 978-5-901882-65-8

© Коллектив авторов, 2017

© Степаненко А.Ю., 2017

Обращение к читателю

У каждого человека в жизни свои стремления, своя планида. У одного – поиск славы и почестей, у другого – власти и денег, у третьего – покоя и благополучия, у немногих – смиренная и настойчивая реализация своего призвания, как сам человек его понимает. Не отвергая ни одну из этих мотиваций, более всего ценю выполнение долга и поиск Истины. Обрести всю ее полноту, конечно же, невозможно, но в мы в силах отделить правду от лжи, подлинное от мнимого, высокое от низкого и порочного. И в этом нам часто помогает Искусство, то самое служение музам, которое не терпит суевья и чуждо тщеславию. Соединение харит с музами – редкий дар человеку, восходящему на Олимп. Этот удел дан нашему юбиляру, начавшему свой путь в науке с постижения античного искусства и понявшему смыслы его воплощений в эпоху Ренессанса. Ведь вилла, о которой он так много и талантливо писал, – есть и воплощение Красоты и Гармонии, и плод Мудрости и таланта Создателя.

Эта мудрость, в сочетании с терпением и с опорой на Традицию, теперь особенно нужна Ивану Ивановичу в руководстве Историческим факультетом, которое по праву и избранием коллег было ему вверено незадолго до этого замечательного юбилея.

От души поздравляя Ивана Ивановича с 60-летием, желаю ему долгого здоровья, крепости сил и духа, мужества и уверенности в управлении кораблем – флагманом нашего исторического образования. И пусть фортуна, изображаемая на фронтонах изучаемых им прекрасных дворцов и храмов, ведет его к вершинам науки и искусства.

С. Карпов,
академик РАН,
Президент исторического факультета МГУ

им по ходу изложения замечание, воспринималось как неожиданная гипотеза. Теперь, кажется, к этому можно отнестись иначе, говоря о разных этапах в формировании имперского стиля в ахеменидском искусстве и природе синтеза, который определил его особенности². Акценты могли меняться, но единство было достигнуто. Иранское, месопотамское и греческое, соединившись, дали устойчивый синтез, хотя случилось это не сразу. Конец VI века и V века до н.э. (время Ксеркса и Артаксеркса I) – это разные этапы в развитии стиля.

Серебряный жезл, печать на шее и мера овса. О третьем церемониальном разделе Золотой буллы 1356 года

Михаил Анатольевич Бойцов

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова –
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Поскольку по счастливому стечению обстоятельств в этом году историки искусства и просто историки получили возможность отметить сразу два юбилея – семисотлетний императора Карла IV Люксембурга и шестидесятилетний Ивана Ивановича Тучкова, – представляется вдвойне верным преподнести одному юбиляру статью, рассказывающую о замыслах другого. Тот, между прочим, тоже понимал толк в искусстве, особенно в архитектуре, и ценил итальянские виллы (когда позволяли обстоятельства), пускай еще и не вполне ренессансные.

Кроме того, юбиляр постарше оставил после себя документ, намертво связавшийся с его именем – так называемую Золотую буллу императора Карла IV. О документе этом писали давно и много – сначала ученые юристы, потом историки. Ссылки на основную литературу о нем найти несложно – хотя бы в предшествующих публикациях автора этих строк¹. На их же страницах делается попытка решить две различные задачи. Во-первых, радикально пересмотреть сложную историю возникновения текста Золотой буллы². Во-вторых, разобраться в смысле ее

¹ См., например: Бойцов М.А. Золотая Булла 1356 г.: империя как тело, виноградная лоза и «священное здание» // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 89–120.

² Он же. Какую реальность отражает структура текста «Золотой буллы» 1356 г.? // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 105–135; Bojcov M.A. Der Kern der Goldenen Bulle von 1356 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2013. Bd. 69. Heft 2. S. 581–614; Idem. Elemente der akuten politischen Retrospektion in der Goldenen Bulle von 1356 // Stand und Perspektiven der Sozial- und Verfassungsgeschichte zum römisch-deutschen Reich / Hrsg. v. Ch. Reinle. Affalterbach, 2016 (в печати).

глав, посвященных политическим церемониям. Для этого предлагается рассматривать не «церемониал Золотой буллы» в целом, как принято с недавних пор³, а разные разделы текста, посвященные церемониям, по отдельности, поскольку каждый из них возник в собственном контексте и означал нечто свое. «Церемониальных разделов» в Золотой булле три, и двум из них уже были посвящены предварительные публикации⁴. Настает очередь третьего.

Третий и последний церемониальный раздел — самый поздний. Если первый, согласно предложенной реконструкции, формулировался еще в Праге, при подготовке имперского собрания в Нюрнберге, а второй создавался в порядке импровизации уже в ходе его, то третий несомненно был написан уже после его окончания.

Стоит напомнить, что съезд князей в Нюрнберге продолжался с ноября 1355 по начало января 1356 года и представлял собой прежде всего первое публичное явление собравшимся имперским чинам нового императора — Карла IV, коронованного в Риме всего несколькими ме-

³ Schwedler G. *Dienen muß man dürfen oder: Die Zeremonialvorschriften der Goldenen Bulle zum Krönungsmal des römisch-deutschen Herrschers // Die Welt der Rituale: von der Antike bis heute / Hrsg. von Cl. Ambos, St. Hotz, G. Schwedler, St. Weinfurter*. Darmstadt, 2005. S. 156–166; Schneidmüller B. *Die Aufführung des Reichs: Zeremoniell, Ritual und Performanz in der Goldenen Bulle von 1356 // Die Kaisermacher*. Frankfurt am Main und die Goldene Bulle, 1356–1806. Aufsätze / Hrsg. v. E. Brockhoff und M. Matthäus. Frankfurt a. M., 2006. S. 76–93; *Idem. Inszenierungen und Rituale des spätmittelalterlichen Reichs. Die Goldene Bulle von 1356 in westeuropäischen Vergleichen // Die Goldene Bulle: Politik – Wahrnehmung – Rezeption / Hrsg. v. U. Hohensee, M. Lawo, M. Lindner, M. Menzel, O.B. Rader*. Bd. 1. Berlin, 2009 (Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Berichte und Abhandlungen, Sonderbände, 12). S. 261–298; *Idem. Das spätmittelalterliche Imperium als lebendes Bild: Ritualentwürfe der Goldenen Bulle von 1356 // Bild und Ritual. Visuelle Kulturen in historischer Perspektive / Hrsg. von C. Ambos, P. Rösch, St. Weinfurter, B. Schneidmüller*. Darmstadt, 2010. S. 210–230; Garnier C. *Die Ordnung des Reiches. Die Position des Herrschers in der Goldenen Bulle in der Wahrnehmung bis 1400 // Die Goldene Bulle. Politik – Wahrnehmung – Rezeption*. Bd. 1. S. 197–240. Ранее историки чуть ли не стеснялись интересоваться церемониями, описанными в Золотой булле, поскольку не видели в них сколько-нибудь серьезного предмета для своего внимания.

⁴ О первом церемониальном разделе см.: Бойцов М.А. Церемониальные коды Золотой буллы императора Карла IV // Культурные коды Средневековья / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков. М., 2016 (в печати). О втором разделе: Он же. Меч, скипетр и держава. Особенности второго церемониального раздела в Золотой булле 1356 г. // Средние века. Вып. 74 (3–4). М., 2013. С. 121–145.

циами ранее⁵. Именно в этой торжественной обстановке был выработан текст первой — более значительной и по существу, и по объему — части Золотой буллы 1356 года.

Ближе к концу года князья по воле императора собирались снова — теперь уже у крайних западных рубежей державы — в имперском городе Меце⁶. Именно там ими была одобрена небольшая вторая часть Золотой буллы, текст которой, к счастью, не представляет собой для историка такого клубка загадок, как нюрнбергские главы. Третий церемониальный раздел составляет, в свою очередь, сердцевину мецкой части, хотя отнюдь не исчерпывает ее — весьма разнородного — содержания. Несмотря на то, что церемониал совместного явления подданным курфюрстов вместе с государем, казалось бы, был уже подробно разработан в нюрнбергской части Золотой буллы, «законодатель» почему-то считал нужным вновь вернуться к тем же вопросам в Меце.

Третий и последний «церемониальный блок» Золотой буллы состоит из трех нынешних ее глав: 26, 27 и 28. Еще К. Цоймер предположил, что их писали в спешке, незадолго до начала встречи в Меце⁷. Во всяком случае, еще в середине 1356 года ни о каком дополнении к нюрнбергскому тексту никто не задумывался — судя по тому, что именно тогда переписывали набело «чешский экземпляр» — самый ранний из сохранившихся списков Золотой буллы — и прежде всего ее нюрнбергской части.

Срочность с оформлением церемониала могла возникнуть после того, как стало окончательно ясно, что в Мец приедут восемнадцатилетний сын попавшего в плен в битве при Пуатье короля Иоанна II

⁵ Основной работой по Нюрнбергскому собранию остается книга Hergemöller B.-U. *Fürsten, Herren und Städte zu Nürnberg 1355/56. Die Entstehung der «Goldenen Bulle» Karls IV*. Köln; Wien, 1983 (Städteforschung, A/13), несмотря на в корне ошибочную, как теперь видится, хронологию составления различных частей Золотой буллы, предложенную ее автором еще в его пространной неопубликованной диссертации, легшей в основу этой книги: *Idem. Der Nürnberger Reichstag von 1355/56 und die «Goldene Bulle» Karls IV. Inaugural-Dissertation*. Münster/Westfalen, 1978.

⁶ О политических обстоятельствах мецкого собрания, его ходе и рассматривавшихся на нем вопросах см. прежде всего: Hergemöller B.-U. *Der Abschluß der «Goldenen Bulle» zu Metz 1356/1357 // Studia Luxemburgensia. Festschrift Heinz Stoob zum 70. Geburtstag / Hrsg. v. F.B. Fahrbusch, P. Johanek. Warendorf, 1989. S. 123–232.*

⁷ Zeumer K. *Die Goldene Bulle Karls IV. Teil 1*. Weimar, 1908 (Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches im Mittelalter und Neuzeit, 2/1). S. 171.

принц Карл (будущий король Карл V), на плечи которого легла вся тяжесть управления осиротевшим королевством, и папский легат кардинал Талейран де Перигор. Между тем известие о предполагаемом появлении таких гостей должно было заставить императорскую канцелярию заново продумать те церемониальные формы, в которых Священной Римской империи уместно было представать на мецком собрании.

В немецкой литературе не раз предполагалось, что император решил на языке церемониала продемонстрировать в Меце наследнику французского престола и папскому легату мощь империи, оставшейся после триумфа англичан при Пуатье главной силой на континенте⁸. Однако никто пока не рассматривал возможности, что демонстрация эта могла быть не столько «устрашающей», сколько, напротив, «подбадривающей». В конечном счете французский принц в Меце получил подтверждение своего права на владение имперским леном — областью Дофине (от названия которой происходит титул наследника французского престола), принеся за нее императору должностную присягу. Но это все, чем Карл IV обременил своего юного племянника, хотя в сложившейся ситуации мог добиться от него куда большего, если бы захотел⁹. Такая присяга была к тому же предложена еще в майском письме короля Иоанна II Доброго к Карлу IV (примерно тогда же, когда он обещал отослать императору вместе со своим сыном два шипа от страстной реликвии — Тернового венца¹⁰) и стала частью договора о дружбе, принятого Карлом¹¹. При встрече с дофином в Меце император, выходит, действовал в русле этого (хотя так и не «ratificированного» французской стороной) договора, во всяком случае, не выходя за его рамки. Более того, если полуимягкие Генеральные штаты в Париже обставляли тяжелыми условиями свое возможное согласие дать дофину столь необходимые ему деньги,

⁸ Hergmöller. B.-U. Der Abschluß. S. 127.

⁹ О взаимоотношениях дяди и племянника в последующем см. прежде всего: Weiß S. Onkel und Neffe. Die Beziehungen zwischen Deutschland und Frankreich unter Kaiser Karl IV. und König Karl V. und der Ausbruch des Großen Abendländischen Schismas // Regnum et Imperium. Die französisch-deutschen Beziehungen im 14. und 15. Jahrhundert / Hrsg. v. St. Weiß. München, 2008 (Pariser Historische Studien, 83). S. 101–164.

¹⁰ Die Regesten des Kaiserreichs unter Kaiser Karl IV. 1346–1378 / Bearb. v. A. Huber. Innsbruck, 1877 (Regesta Imperii, 8). Nr. 266 (Reichssachen). S. 557.

¹¹ Ibid. Nr. 2233. S. 180. Французский король, однако, стал тянуть с присылкой ответной грамоты под предлогом необходимости провести дополнительные переговоры с третьими лицами, которых может затронуть этот договор. В конечном счете заключен он так и не был.

император легко предоставил юному регенту королевства 50 000 гульденов, которые тот так никогда и не вернул. Если учесть к тому же, что папа Иннокентий VI был крайне расстроен исходом битвы при Пуатье и просил Карла IV посредничать в деле заключения мира между Англией и Францией (а значит, в сложившихся условиях окажать помощь французскому королевству), мецкая встреча станет выглядеть совсем как встреча трех союзников¹². Поэтому резонно полагать, что мецкие торжества должны были продемонстрировать прочность «священного здания империи» не одним лишь французам и показать не только им и представителю папы серьезность намерений императора установить мир. Блеск империи должен был произвести впечатление — пускай издалека — и на английского короля Эдуарда III.

Очевидно, что выбор именно Меча (лежащего близко к пределам французского королевства) для такой демонстрации никак не был вызван битвой при Пуатье: в качестве места проведения следующего собрания этот город был намечен еще в Нюрнберге — только срок мероприятия несколько раз отодвигался¹³. Но это может означать, что сама идея «встречи в верхах» созрела еще в 1355 году.

Мецкое собрание действительно стало яркой политической демонстрацией, привлекшей внимание многих современников — в полную противоположность предыдущему собранию в Нюрнберге. Именно поэтому возникают основания рассматривать «церемониальные главы» мецкой части Золотой буллы в качестве более или менее переработанных (или, может быть, недоработанных) сценариев — *ordines*, — составлявшихся в императорской канцелярии при подготовке мецкой «демонстрации силы»¹⁴.

¹² Такую новую характеристику сложившейся ситуации (правда, без заключительного радикального вывода) предлагает: Weiß S. Das Papsttum, Frankreich und das Reich. Die Goldene Bulle und die Außenpolitik Karls IV // Die Goldene Bulle: Politik — Wahrnehmung — Rezeption. Bd. 2. S. 917–930.

¹³ Как ни странно, в литературе необычный выбор Меча как места проведения имперского собрания почти не связывается со Столетней войной. Так, Б.-У. Хергемöller ставит на первое место частные интересы Люксембургов в регионе. См.: Hergmöller B.-U. Der Abschluß. S. 123–232.

¹⁴ В качестве такого сценария ее обычно и рассматривают. См., например: Hergmöller B.-U. Der Abschluß. S. 212; Idem. Die Verfasserschaft der «Goldenen Bulle» Karls IV // Bohemia. Bd. 22. 1981. S. 253–299, здесь S. 298. Однако Г. Шведлер усмотрел в «мецких» разделах Золотой буллы почему-то регламентацию коронационных торжеств: Schwedler G. Op. cit. S. 159. В чем состояла необходимость заниматься такой регламентацией для Карла IV, уже принялшего свои

Если первый церемониальный раздел (подготовленный в Праге) предлагал статический образ империи, а второй (сформулированный в Нюрнберге) привносил в него некоторую динамику, задавая порядок процессий, то две из трех мецких «церемониальных» глав (видимо, написанных для Меча) похожи на театральные сценарии — так много в них действия и так мало статики.

По своему построению обе эти главы — 26 и 27 — очень похожи на церемониальные чины, каковыми они, вероятнее всего, изначально и являлись. В первой подробно расписывается, как курфюрсты рано поутру приходят к дому, где остановился государь, а когда он выйдет в парадных облачениях, сопровождают его верхом до места, где будет проходить собрание¹⁵. Курфюрстам следует при этом соблюдать процессионный порядок, указанный в нюрнбергских дополнениях (на них дается прямая отсылка), хотя в него и вносится ряд ниже следующих уточнений.

Во-первых, тот из архиепископов, кто считается эрцканцлером в данной части империи, несет все государевы печати нанизанными на серебряный жезл¹⁶. Во-вторых, государыне (о которой нюрнбергские

основные короны (впереди его ждала только необязательная коронация в Апре в 1365 г.), остается непонятным. Впрочем, историки часто недооценивают степень включенности того или иного действия или документа виюминутную политическую ситуацию, и вместо того, чтобы улавливать в них отражение сложившейся конъюнктуры, пытаются выявить в них некие общетеоретические принципы.

¹⁵ «Die, qua solemnis curia imperialis vel regia fuerit celebranda, venient circa horam primam principes electores ecclesiastici et seculares ad domum habitacionis imperialis sive regalis, et ibi imperator vel rex ipse omnibus insigniis imperialibus induetur, et ascensio equis omnes vadant cum imperatore vel rege ad locum sessionis aptate, et ibi quilibet eorum in ordine et modo supra in lege de ordine processionis ipsorum principum electorum plenius diffinito». — Die Goldene Bulle vom 10. Januar und 25. Dezember 1356 — lateinisch und frühneuhochdeutsch / Bearb. v. W. Fritz // Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. 11. Weimar, 1988. P. 620, 622 (Cap. 26 § 1). (Далее сноски на это издание не оговариваются: приводится только номер его страницы после указания на номера главы и параграфа.) Почему-то Б.-У. Хергемёлер решил, что locus sessionis aptate следует переводить как Sitzungssaal. (См.: Hergemöller B.-U. Der Abschluß... S. 213–214.) Как раз «залом» это место могло вовсе и не быть.

¹⁶ «Portabit eciam archicancellarius, in cuius archicancellariatu hec fuerint, super baculo argenteo omnia sigilla et typaria imperialia sive regalia». — Cap. 26. § 1. P. 622. Э. Шуберт совершенно неверно определил ситуацию, применительно к кото-

постановления никак не упоминают) с ее окружением отведено место не вслед за государем, а за королем Чешским (точнее, в данном случае его заместителем, поскольку император по совместительству носил чешскую корону)¹⁷. Зато ей позволено предстать со всеми своими инсигниями и в сопровождении фрейлин и ее собственных придворных¹⁸. Главное же новшество здесь состоит в первом (в пределах Золотой буллы) упоминании о венцах государя. Вводятся они в процессию несколько странным образом: две короны — сначала «ахенскую», а затем «миланскую» — несут двое князей низшего, чем курфюрсты, ранга, которых назначает король по своему усмотрению. Место же им отведено перед архиепископом Трирским. Оба этих венца, правда, следует носить, только если государь уже получил императорскую корону¹⁹ — так что в обозримой перспективе данная норма могла относиться только к Карлу IV и ни к кому более.

Последовательность предъявления корон не вызывает вопросов: она соответствует и последовательности коронаций, и обычному порядку перечисления императорских венцов. (Единственно качество металлов, из которых якобы были изготовлены короны, сменялось не вполне логично: «железной» считалась не первая, а вторая, «серебряной» же, напротив, — не миланская, а ахенская. Впрочем, преимущественно итальянскую полумистическую теорию «трех металлов», из которых

вой Золотая булла упоминает о печатях, когда утверждал, будто она передает императорские печати в распоряжение трех эрцканцлеров в качестве инсигний их сана *на время выборов короля* (*für die Dauer der Königswahl*). (См.: Schubert E. Erz- und Erbämter am hoch- und spätmittelalterlichen Hof // Deutscher Königshof, Hoftag und Reichstag im späteren Mittelalter / Hrsg. v. P. Moraw. Stuttgart, 2002 (Vorträge und Forschungen, 48). S. 191–237, здесь S. 219.) Непонятно, откуда Г. Шведлеру известно, что печати были привязаны к жезлу «маленькими веревочками» (*mit kleinen Schnüren*). — Schwedler G. Op. cit. S. 162.

¹⁷ «Imperatrix eciam vel regina Romanorum suis augustalibus amicta insigniis post regem vel imperatorem Romanorum et eciam post regem Boemie, qui imperatorem immediate subsequitur, competentis spacii intervallo, suis associata proceribus suisque comitata virginibus, ad locum sessionis procedat». — Cap. 26. § 2. P. 622.

¹⁸ В это время Карл IV был женат третьим браком на Анне (1339–1362), дочери герцога Швидницкого из Силезии.

¹⁹ «Portabuntur eciam immediate ante archiepiscopum Treverensem suo loco transeuntem primo Aquisgranensis, secunda Mediolanensis corona, et hoc ante imperatorem dumtaxat, qui iam imperialibus infulis est decoratus, quas gestabunt aliqui principes inferiores ad hoc per imperatorem iuxta placitum deputandi». — Cap. 26. § 1. P. 622.

сделаны три императорских венца, составители Золотой буллы никак не используют и, вероятно, вообще с ней не знакомы²⁰). В действительности, ко времени составления Золотой буллы в распоряжении Карла IV вряд ли имелась даже т.н. ахенская корона²¹, не говоря уже о «миланской»²². Остается предположить, что либо перед императором должны были нести «заменители» обеих корон (их роль могли сыграть любые венцы из императорской сокровищницы²³), либо же распоряжение

²⁰ О теориях, выстраивавшихся итальянскими юристами по поводу трех корон императора, см. прежде всего: *Marco C. Imperator romanorum triplici corona coronatur. Studi sull'incoronazione imperiale nella scienza giuridica italiana fra Tre e Cinquecento*. Milano, 1991 (Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza, Dipartimento di Scienze Giuridiche, Università di Modena, 17).

²¹ Предположение, что «ахенская» корона Золотой буллы идентична со знаменитой «имперской короной», хранящейся сейчас в Вене, обосновывается в работе: *Huyssens A. Die Aachener Krone der Goldenen Bulle, das Symbol des alten Deutschen Reiches // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1938. Jg. 2. S. 400–497 и подтверждается в работе: *Hergemöller B.-U. Der Abschluß. S. 213. Anm. 402*. Однако убедительнее представляется мнение, согласно которому в Золотой булле подразумевается корона с реликвария Карла Великого в Ахене, изготовленная по заказу Карла IV в 1349 г. или чуть ранее: *Petersohn J. Über monarchische Insignien und ihre Funktion im mittelalterlichen Reich // Historische Zeitschrift*. 1998. Bd. 266. S. 47–96. S. 83–84. Кстати, эта корона, действительно, сделана из серебра и только позолочена. «Императорская» дуга сверху, возможно, приделана позже – во всяком случае, она упоминается впервые только в 1442 году. См.: *Minkenberg G. Krone de Karlsbüste // Krönungen. Könige in Aachen – Geschichte und Mythos. Katalog der Ausstellung / Hrsg. v. M. Kramp*. Bd. 2. Mainz, 2000. Nr. 6–18. S. 527; *Kaiser Karl IV. 1316–2016. Ausstellungsführer / Hrsg. v. J. Fajt*. Prag, 2016. Nr. 5–03. S. 56.

²² Речь идет о короне *laurea ferrea*, изготовленной по велению Генриха VII из стали для его миланской коронации в январе 1311 года. Тем же венцом были коронованы в Милане Людвиг IV в 1327 году, Карл IV в 1355 году и Сигизмунд в 1431 году. (Ко времени последней коронации венец успел сильно заржаветь). См.: *Elze R. Die «Eiserne Krone» in Monza // Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert*. Bd. 2. Stuttgart, 1955 (Monumenta Germaniae Historica. Schriften, 13/2). S. 450–479, здесь S. 474–476.

²³ Об отнюдь не бережном отношении средневековых правителей к своим коронам и о легкой их взаимозаменяемости см.: *Schramm P.E. Herrschaftszeichen: gestiftet, verschenkt, verkauft, verpfändet. Belege aus dem Mittelalter // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse*. Jg. 1957. Nr. 5. S. 161–226. Ср. также развенчание академического мифа об обязательности коронования короля Римского или императора только

было сугубо теоретического свойства и никогда не выполнялось на практике, оставшись нереализованным проектом²⁴. Последнее, впрочем, представляется маловероятным, учитывая включение данного текста в число имперских законов.

Передача законодателем корон в руки князей более низкого ранга, чем курфюрсты, ставит и сами эти инсигнии ниже скипетра, державы и меча (которые должны нести именно князья-избиратели), хотя для такого ослабления символической значимости венцов не было никаких оснований. Соответственно «хуже» оказывается и место, отведенное коронам в процессии – за единственным исключением третьей короны – императорской. Хотя в тексте ее не упоминают, авторы несомненно подразумевали, что она украшает голову государя.

Князей для несения корон законодатель оставляет императору назначать по его собственному разумению, несмотря на то, что герцоги Гельдернские в 1339 году уже получили привилегию прonoсить корону империи не только при коронациях в Ахене, Милане и Риме, но и в иных случаях²⁵. В остальном логика авторов более или менее понятна: *постоянные инсигнии* уже «распределены» среди курфюрстов в нюрнбергских разделах, тогда как обе короны представляют собой необязательное, а значит и *непостоянное* дополнение к церемонии. Соответственно, короны, хотя и являясь более значимыми знаками власти, чем меч, скипетр и держава, – оказываются, во-первых, в руках не курфюрстов, а обычных князей, а во-вторых, не на самых выгодных местах в процессии.

Куда именно должно направляться описываемое законодателем шествие, из текста непонятно. Однако, судя по последовательности сюжетов в мецкой части Золотой буллы, в представлении авторов оно закан-

какой-то особой, одной и той же, короной: *Petersohn J. «Echte» und «falsche» Insignien im deutschen Krönungsbrauch des Mittelalters? Kritik eines Forschungsstereotyps*. Stuttgart, 1993 (Sitzungsberichte der wissenschaftlichen Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main, 30/3).

²⁴ Последнее мнение высказано в: *Petersohn J. Über monarchische Insignien*. S. 84.

²⁵ См. пересту: *Regesten Kaiser Ludwigs des Bayern (1314–1347) nach Archiven und Bibliotheken geordnet. Heft 7. Die Urkunden aus den Archiven und Bibliotheken Ober- und Niederbayerns / Bearb. v. M. Menzel*. Köln; Weimar; Wien, 2003. Nr. 466. (19 марта 1339). Полный текст опубликован в: *Groot charterboek der graaven van Holland, van Zeeland en heeren van Vriesland / Verzaameld, en in orde gebragt door F. van Mieris*. Deel 2. Leiden, 1754. S. 616. Ср.: *Huyssens A. Op. cit.* S. 416–417.

чиваются вовсе не в церкви, а на площади у большой «сцены», на которой займут места государь и курфюрсты. В следующей главе (27) при описании церемониальных служб, выполняемых курфюрстами перед королем, упоминается, что некоторые из князей появляются верхом, подъезжая к некоему *edificium sessionis imperialis vel regie* — «строению» для заседания императора или короля. Чуть далее разъясняется, что *edificium* представляет собой деревянный помост, который после окончания торжеств должен достаться гофмейстеру (лат. *magister curie*) государя²⁶. Очевидно, речь идет о большой сцене, воздвигнутой, скорее всего, на противной городской площади. На этой сцене и должен стоять тот трон, на который, согласно главе 27, государь усаживается, подавая тем самым знак к началу церемонии. Первым перед ним выполняет свою «службу» герцог Саксонский. В отличие от всего лишь краткого замечания о ней в нюрибергской части, здесь эта служба описана подробно. Перед «сценой» насыпают кучу овса «такой высоты, чтобы доходила до груди или нагрудного ремня коня». В руках у герцога «инструменты» конюшего: мерный жезл (лат. *baculum*) и мера объема (лат. *mensura*), сделанные из серебра и общим весом в 12 марок²⁷. Курфюрст должен зачерпнуть из

²⁶ «Preterea consummatis hiis, que in imperiali qualibet curia sive regali fuerint pro tempore disponenda, recipiet magister curie pro se totum edificium seu ligneum apparatum imperialis sive regie sessionis, ubi sederit imperator vel rex Romanorum cum principibus electoribus ad celebrandas solemnes curias vel feuda, sicut premititur, principibus conferenda». — Cap. 29. § 3. P. 628. Представляется крайне маловероятным, что *edificium*, где проходит трапеза, и *edificium*, где государь вручает лены и который после окончания праздника достается гофмейстеру, представляли собой два разных помоста. Между тем именно это в литературе не раз высказывалось или подразумевалось. См., например: Garnier C. Die Ordnung des Reiches. Die Position des Herrschers in der Goldenen Bulle in der Wahrnehmung bis 1400 // Die Goldene Bulle. Politik — Wahrnehmung — Rezeption. Bd. 1. S. 197–240, здесь S. 211. Думается, что неточным является и различие совсем другого рода, предложенное Б. Шнайдмюллером: он считает, что гофмейстеру достается либо «весь помост» (*edificium*), либо же только деревянная конструкция, возведенная вокруг места короля или императора (*lignum apparatus imperialis sive regie sessionis*). (См.: Schneidmüller B. Die Aufführung... S. 264.) Думается, что в тексте документа нет никакого противопоставления: он тавтологичен, как и многие другие правовые тексты такого рода и называет один и тот же предмет двумя разными обозначениями.

²⁷ Г. Шведлер, думается, напрасно усматривает в этом *baculum* жезл, родственный скапитру, символизирующий власть и уходящий своими корнями в глубокую Античность. Напрасно проводит он здесь и параллель с жезлами придворных (обозначающими их должностные полномочия), которые обычно делались из дерева, но вот курфюрсты получили особый их «вариант из

кучи меры овса и отдать ее слуге (который — приходится домысливать — засыпает овес коню государя), после чего воткнуть мерный жезл в ту же кучу и удалиться. Дальнейшее распределение зерна (вероятно, для других коней государя, а, может быть, и для курфюршеских лошадей) пройдет уже без участия герцога: его сменит официальный «заместитель» из семейства Папенхаймов, а если того не окажется на месте, то «настоящий» придворный конюший²⁸.

К. Цоймер отрывает это церемониальное действие от всех последующих, предположив, что герцог Саксонский выполняет свою службу всякий раз, когда король верхом отправляется куда-либо в процессии, но только не в случае торжественного застолья, описанного в последующих строках Золотой буллы²⁹. Тем самым К. Цоймер попытался согласовать первый и второй параграф главы 27, в каждом из которых ему виделось описание *начала* церемониальных торжеств. Составители Золотой буллы здесь, действительно, не вполне логичны, однако при углублении в текст документа логика К. Цоймера предстает еще менее убедительной. Первый параграф начинается со слов: «Сначала, когда

серебра». (См.: Schwedler G. Op. cit. S. 161.) Логика авторов Золотой буллы, думается, совершенно иная. «Жезл» герцога Саксонского вовсе не является обозначением «должности» курфюрста, поскольку тогда все остальные князья-избиратели тоже должны были представать с такими же скапитрами. Все курфюршеские серебряные «инсигнии», перечисленные в Золотой булле, прямо соотнесены с «профессиональными» особенностями их церемониальных должностей. *Baculum* герцога Саксонского не является тут исключением — это прут для измерения глубины емкости, наполненной овсом, или каких-то иных похожих измерительных процедур, выполняемых конюшим. Ни символика власти, ни античные корни не имеют к этому предмету никакого отношения. О «настоящих» скапитерах и жезлах см. новую книгу: Töbelmann P. Stäbe der Macht. Stabsymbolik in Ritualen des Mittelalters. Husum, 2011 (Historische Studien, 502).

²⁸ «Primo enim, imperatore vel rege ipso in sede regia sive solio imperiali sedente, dux Saxonia officium suum agat hoc modo: ponetur enim ante edificium sessionis imperialis vel regie acervus avene tante altitudinis, quod pertingat usque ad pectus vel antelam equi, super quo sedebit ipse dux, et habebit in manu baculum argenteum et mensuram argenteam, que simul faciant in pondere duodecim marcas argenti, et sedens super equo primo mensuram eandem de avena plenam accipiet et famulo primitus venienti ministrabit eandem. Quo facto figendo baculum in avenam recedet, et vicemarescallus eius, puta de Papenheim, accedens vel eo absente marescallus curie ulterius avenam ipsam distribuet». — Cap. 27. § 1. P. 622.

²⁹ «Diese Verrichtung sollte offenbar in jedem Falle, wo der Kaiser zu Roß in feierlichem Zuge zu einer festlichen Sitzung geleitet war, stattfindet». См.: Zeumer K. Op. cit. S. 92.

император или король восседает на королевском троне или же императорском престоле...», после чего следуют упомянутые инструкции для герцога Саксонского. Зачин второго параграфа звучит «Когда же император подходит к столу...», его благословляют курфюрсты. К. Цоймер не уловил, что, по мнению законодателя, государь в ходе *одной и той же* церемонии должен сменить свое место: *сначала* он сидит на троне, а *затем* встает с него и идет к столу. И трон, и стол стоят на одном и том же помосте, но явно пространственно отделены друг от друга.

Зачем же понадобилось усаживать короля дважды — неужели только по той причине, что «служба» курфюрста Саксонского не вписывается в застолье? Ответ состоит, очевидно, в том, что пиршество является не единственным содержанием церемонии, как, видимо, полагал К. Цоймер, а только яркой *заключительной* частью публичного акта. Государь восседает на троне и тогда, когда он вручает лены князьям, и тогда, когда, например, происходит представление новых законов. Лишь после завершения этих действий он приступает к церемониальному пиру³⁰. Золотая булла в первых двух параграфах главы 27 приводит, надо полагать, только «рамку» публичного торжества, его начало и конец — действия, в которых активно участвуют курфюрсты, но обходит полным молчанием *наполнение* этой рамки. Тем самым в Золотой булле создается церемониальный «формуляр», в который можно вписать самые различные действия — обстоятельство, совершенно не замечавшееся до сих пор историками.

Когда же государь по завершении таких действий подходит к столу, там его стоя встречают курфюрсты-архиепископы, и один из них (определенный в соответствии с правилом из последней главы ниорнбергской части) благословляет трапезу³¹. Но следующий же церемониальный

³⁰ О значении таких застолов см. прежде всего: Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit. Vorträge eines interdisziplinären Symposiums vom 10–13. Juni 1987 an der Justus-Liebig-Universität Gießen / Hrsg. v. I. Bitsch, T. Ehlert, X. v. Ertzdorff. Sigmaringen. 1987; Lowenstein U. Voraussetzungen und Grundlagen von Tafelzeremoniell und Zeremonientafel // Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. v. J.J. Berns, Th. Rahn. Tübingen, 1995 (Frühe Neuzeit, 25). S. 266–279, а также каталог: Die öffentliche Tafel. Tafelzeremoniell in Europa 1300–1900 / Hrsg. v. H. Ottomeyer, M. Völkel. Wolfratshausen, 2002.

³¹ Б.-У. Хергемёлер, думается, здесь неправильно понимает латинский текст, считая, что *все* духовные лица, стоящие на подиуме, благословляют трапезу (хором?). — Hergemöller B.-U. Der Abschluß. S. 215. Вслед за ним аналогичную ошибку сделали и другие авторы: Schwedler G. Op. cit. S. 163; Schneidmüller B. Die Aufführung. S. 283.

жест князей меняет их качество, представляя их зрителям теперь не священнослужителями, а эрцканцлерами империи. Все трое берут в руки серебряный жезл (он должен весить 12 марок), на который подвешены королевские печати, причем в середине становится курфюрст, считающийся эрцканцлером в данной области³², а остальные двое по сторонам от него³³. Так вместе они «с почтением» подносят печати государю и кладут на стол перед ним. Однако государь тотчас возвращает печати обратно. Тогда главный эрцканцлер вешает большую печать на шею и носит ее до конца торжественной трапезы, пока не возвратится к себе³⁴.

Об исполнении подобной церемонии ранее 1356 года ничего не известно, так что почетную службу с ношением печатей Карл IV мог специально изобрести ради большей «церемониальной гомогенности» в среде курфюрстов. Действительно, представлялось бы странным, если бы у светских курфюрстов были свои символические службы, а у выс-

³² То есть, в Германии это архиепископ Майнцский, в Италии — архиепископ Кёльнский, а в Галлии — архиепископ Трирский.

³³ Б.-У. Хергемёлер понимает текст в том смысле, что курфюрсты получают печати от придворного канцлера, только уже стоя на помосте, и что это часть церемонии: *Hergemöller B.-U. Der Abschluß*. S. 215. Неужели тогда в предшествовавшей процессии архиепископ должен был нести жезл *без* всяких печатей? Б. Шнайдмюллер, видимо, следует здесь за Б.-У. Хергемёлером, но идет дальше, поскольку считает, что не только печати, но и жезл архиепископы получают только на подиуме от канцлера: *Schneidmüller B. Die Aufführung*. S. 284.

³⁴ «Ingresso vero imperatore vel rege ad mensam, principes electores ecclesiastici, videlicet archiepiscopi, stantes ante mensam cum ceteris prelatis benedicent eandem secundum ordinem, qui circa hec eis in superioribus est prescriptus; et benedictione completa iidem archiepiscopi omnes, si assunt, alioquin duo vel unus sigilla et typaria imperialia sive regalia a cancellario curie recipient eoque, in cuius archicancellariatu curiam ipsam celebrari contingit, in medio precedente et aliis duobus ex alterutro latere sibi junctis sigilla et typaria ipsa, omnes quidem baculum, in quo suspensa fuerint, manibus contingentes ea portabunt et ante imperatorem vel regem reverenter ponent in mensa, imperator vero sive rex eadem ipsis statim restituet, et in cuius archicancellariatu hoc fuerit, ut prefertur, is majus sigillum collo appensum usque ad finem mense gestabit et deinceps, donec ad hospicium suum perveniat ab imperiali sive regali curia equitando». — Cap. 27. § 2. P. 624. Г. Шведлер полагает, что большая печать на шее у архиепископа превращается из инструмента для заверения документов (*Begläubigungswerkzeug*) в украшение (*Schmuckstück*). Вернее было бы сказать, что она на время становится инсигнией, удостоверяющей высокий статус ее обладателя (кстати говоря, никак не теряя возможности при срочной необходимости послужить и в качестве средства заверения грамот). (Cm.: Schwedler G. Op. cit. S. 162).

ших по статусу духовных – нет. Принцип построения церемонии тот же, что и при вручении королю ключей от городских ворот, что наводит на мысль об организации первого действия по образцу и на основе второго. Как и горожане при передаче ключей, курфюрсты выражают готовность в своем качестве эрцканцлеров подчиняться государю и признание того, что это он распоряжается самими должностями эрцканцлеров. Возвращая им печати, государь выражает удовлетворение тем, как князья справлялись со своими обязанностями, и доверяет им выполнять их и впредь. Точно так же он выражает свое удовлетворение властями какого-либо имперского города, возвращая им ключи от ворот. Золотая булла даже в теории не предполагает, что король может удержать печати у себя – ситуация, которая все же случалась при вручении ключей от городов, хотя и крайне редко.

Авторы Золотой буллы достаточно предусмотрительны, чтобы не выпускать из поля своего зрения Большую государеву печать и после завершения церемонии. Архиепископ, как упоминалось выше, надевает ее на шею и носит ее так в течение всего застолья и по пути к себе. Когда же архиепископ вернется, ему следует отослать к придворному канцлеру гонца с печатью, причем конь, на котором тот поскакет, должен будет перейти в собственность канцлера³⁵.

Нелогичность, действительно допущенная авторами Золотой буллы при рассказе о предъявлении прелатами их печатей, состоит в том, что архиепископы, выходит, исполняют свою «службу» только после герцога Саксонского, хотя в соответствии с их статусом, они должны были делать ее раньше него. Б.-У. Хергемёлер пытается здесь выстроить следующую логику: сначала надо задать корм коням, потом решить текущие канцелярские дела и, наконец, перейти к трапезе³⁶. Возможно, он прав, и раннее появление курфюрста Саксонского с его овсом является частью инсценировки, передающей идею «прибытия» короля (не из его действительной резиденции по соседству, а из абстрактного «далека»)³⁷, после которого только и возможно дальнейшее развитие церемониального действия.

³⁵ «Postquam autem is, quem ordo tetigerit, portando sigillum maius ab imperiali curia ad hospicium suum redierit, ut prefertur, statim sigillum ipsum per aliquem de suis familiaribus predicto imperialis curie cancellario remittet super equo, quem iuxta proprie dignitatis decenciam et amorem, quem ad cancellarium curie gesserit, ipsi cancellario tenebitur elargiri». – Cap. 27. § 2. P. 624.

³⁶ Hergemöller B.-U. Der Abschluß. S. 217.

³⁷ Такое объяснение было уже предложено: Schwedler G. Op. cit. S. 163.

Вопрос не снимается, даже если допустить, что вся сцена с архиепископами и их жезлом отсутствовала в первоначальном варианте документа и была добавлена в ходе его доработки. Общий вид текста и его логика дают основания для такого допущения. Тем не менее, составители Золотой буллы решили вставить мизансцену именно после «службы» герцога Саксонского, а не до нее, как могли бы...

Как бы то ни было, после того как архиепископы получат свои печати назад, согласно окончательной версии Золотой буллы, перед постом появится верхом эрцкамергер маркграф Бранденбургский, держа наполненную водой серебряную чашу весом в 12 марок, и «красивое полотенце». Сойдя с коня, он подаст государю воду для омовения рук³⁸.

За маркграфом въедет пфальцграф Рейнский, держа четыре наполненные кушаньями серебряные блюда, весом по три марки, и, сойдя с коня, поставит их на стол перед государем³⁹.

Последним появится король Чешский: он спешится с серебряным кубком весом в 12 марок в руках, наполненным разбавленным водой вином, и поднесет его государю⁴⁰.

Для данной главы К. Цоймер предполагает некое не сохранившееся до наших дней текстовое основание⁴¹, не связанное напрямую с событиями в Меце. Ведь при сравнении этого места с церемониями, имевшими место в день публикации мецкой части (если верить свидетельствам современников), окажется, что составитель Золотой буллы допустил как минимум два упущения. Во-первых, он «не заметил», как герцог Саксонский стоит с мечом в руках рядом со столом императора, а во-вторых,

³⁸ «Deinde marchio Brandenburgensis archicamerarius accedit super equo, habens argenteas pelves cum aqua in manibus ponderis duodecim marcarum argenti et pulchrum manutergium, et descendens ab equo dabit aquam domino imperatori vel regi Romanorum manibus abluerendis». – Cap. 27. § 3. P. 624.

³⁹ «Comes palatinus Reni [archidapifer] intrabit similiter super equo, habens in manibus quatuor scutellas argenteas cibis impletas, quarum quelibet tres marcas habeat in statera, et descendens ab equo portabit et ponet ante imperatorem vel regem in mensa». – Cap. 27. § 4. P. 624.

⁴⁰ «Post hec rex Boemie archipincerna veniat similiter super equo, portans in manibus cuppam seu cifum argenteum ponderis duodecim marcarum coopertum, vino et aqua permixtum impletum, et descendens de equo cifum ipsum imperatori vel regi Romanorum porriget ad bibendum». – Cap. 27. § 5. P. 624. В разбавленном вине некоторые сегодняшние комментаторы склонны видеть символический смысл: это якобы сугубо итальянская манера, восходящая к Античности, а потому она на свой лад представляет государя как короля или императора римлян.

⁴¹ Zeumer K. Op. cit. S. 93.

не принял во внимание, что король Чешский не может выполнять службу императору лично, а нуждается в заместителе. Из этого К. Цоймер делает вывод, что в основе главы 27 лежит не описание реального события, а какая-то ранняя запись⁴². Однако его логика сугубо спекулятивна. В 1298 году – напоминает он, – из-за спора по вопросу о том, вправе ли чешский король быть имперским чашником, появилась упоминавшаяся выше привилегия Альбрехта I королю Вацлаву II, в которой право короля на эту службу подтверждалось, но с указанием на добровольность для него ношения короны⁴³. В ходе разбирательства 1298 года – предполагает К. Цоймер – должны были зачитывать некий гипотетический «Чин выполнения почетных служб», который, скорее всего, на том же имперском собрании и был составлен. Это его заголовокписан в Золотую буллу в виде заголовка главы 27⁴⁴. Мнение К. Цоймера по данному вопросу, конечно, должно быть учтено, но оно не опирается ни на какие доказательства и кажется совершенно произвольным. Напротив, присутствие «короля Чешского» предполагалось и в более ранних разделах Золотой буллы, которые крайне трудно связать с событиями 1298 года. Следовательно, авторы документа прекрасно понимали, что вместо короля будет действовать его заместитель, но не считали нужным учитывать эту частность при формулировании своих законоположений.

Что же касается герцога Саксонского с мечом, то свою задачу автор главы видел вовсе не в том, чтобы описывать сцену во всех ее деталях: ему нужно было регламентировать определенный набор церемониальных (притом театрализованных) служб курфюрстов. Исполнение герцогом роли мечника относится к совсем иному ряду действий. А уж тот нотарий, который расставлял по своему разумению заголовки глав в уже переписанной рукописи, действовал так небрежно (наверное, в спешке), что вряд ли стал бы рыться в старых грамотах ради формулирования одного-единственного заглавия. В остальных случаях он себя не затруднял не только такими поисками, но и тем, чтобы дочитать главу до конца и придумать для нее название, которое все же точно передавало бы ее содержание. По всем этим причинам не видно никаких убедительных оснований отрывать содержание главы 27 от подготовки мецкого собрания и угадывать в ее основе какой-то стариный текст.

Глава 28 вновь возвращает читателя к статичному образу империи как заседанию императора и князей, правда, теперь это только пиршественное застолье, а не, например, судебное разбирательство. Последнее

⁴² Ibid. S. 93–94.

⁴³ Ibid. S. 32–33.

⁴⁴ Ibid. S. 94–99.

обстоятельство предполагает появление нового участника – императрицы – и необходимость найти для нее соответствующее место. Кроме того, взгляд законодателя на его предмет становится сложнее: если в первом церемониальном разделе он мыслил, так сказать, в двух измерениях, словно рисуя план расположения мест, то теперь он варьирует высоту мест одно относительно другого и главное, относительно императорского места.

Прежде всего он устанавливает, что стол государя, за которым не позволено сидеть никому иному (а значит, и ожидающему высокому французскому гостю тоже), должен стоять на шесть футов выше столов обычных придворных⁴⁵. Стол императрицы следует поставить несколько в стороне и ниже на три фута⁴⁶. Еще ниже – вновь на три фута – располагаются столы курфюрстов. Их надо расставить так, чтобы три стола оказались справа от короля, три – слева и один – напротив. (Такая же расстановка подразумевалась и в нюрнбергской части Золотой буллы, но не была столь подробно описана.) Сидеть за ними разрешено исключительно курфюрстам, так что даже их полномочным представителям занимать эти места не положено⁴⁷. К тому же ни одному из курфюрстов, уже выполнивших свою службу, нельзя сесть на свое место, пока не освободятся все остальные князья: до той минуты курфюрсты должны стоять рядом со своими креслами⁴⁸. (Видимо, на протяжении как раз этого вре-

⁴⁵ «Imperialis insuper mensa vel regia sic debet aptari, ut ultra alias aule tabulas sive mensas in altitudine sex pedum sit alcius elevata, in qua preter imperatorem Romanorum dumtaxat vel regem die solempnis curie nemo penitus collocetur». – Cap. 28. § 1. P. 626.

⁴⁶ «Sedes vero et mensa imperatricis sive regine parabitur a latere in aula, ita quod ipsa mensa tribus pedibus imperiali sive regali mensa sit bassior et totidem pedibus eminentior supra sedes principum electorum, qui principes suos inter se in una eademque altitudine sedes habebunt et mensas». – Ibid.

⁴⁷ «Infra sessionem imperiale mense pro septem principibus electoribus ecclesiasticis et secularibus parentur, tres videlicet a dextris et tres alie a sinistris et septima directe versus faciem imperatoris vel regis, sicut superius in capitulo de sessionibus et ordine principum electorum per nos est clarissimum; ita etiam, quod nullus aliis, cuiuscumque dignitatis vel status existat, sedeat inter ipsos vel ad mensas eorum». – Cap. 28. § 1. P. 626.

⁴⁸ «Non licet autem alicui predictorum secularium principum electorum peracto officii sui debito se locare ad mensam sibi paratam, donec alicui suorum principum electorum ejus officium restat agendum; sed cum aliquis eorum vel aliqui ministerium suum expleverint, ad preparatas sibi mensas transeant et juxta illas stando expectent, donec ceteri ministeria sua expleverint supradicta, et tunc demum omnes et singuli pariter ad mensas sibi positas se locabunt». – Cap. 28. § 2. P. 626.

мени герцог Саксонский, выполнив свою службу, стоит с мечом за спиной у короля, пока церемонию совершают остальные светские курфюрсты).

В этом разделе составители отступают от логики, в соответствии с которой они ранее выстраивали процессию, ведь там императрица оказывалась на худшем месте, чем все курфюрсты: между ней и государем должен был идти король Чешский. В случае с Карлом IV такое положение могло быть оправдано тем, что он-то сам и был королем Чешским, а лицо, выступавшее за ним в процессии, только символизировало вторую «ипостась» императора. Хотя к мецкому собранию в этом отношении ничего не изменилось, идея посадить Анну Шведницкую ниже курфюрстов, похоже, грозила для нее неоправданным унижением, что и было учтено авторами документа. В любом случае Золотая булла сохранила, тем самым, двойственность церемониального положения государыни: вопрос о том, выше ли она курфюрстов или ниже их в «имперской конституции», так и не получил ясного ответа.

Политическое содержание «чинов», вошедших в состав Золотой буллы, более или менее ясно: оно состоит прежде всего в символическом подчеркивании высокого статуса императора, того, сколь могущественные князья беспрекословно «служат» ему, демонстрируя тем самым и собственную причастность к императорской власти. Для этого продуманного и впечатляющего спектакля необходим был соответствующий зритель, причем трудно представить себе более подходящих для этого лиц, нежели дофина и легата. Самое интересное состоит, однако, в том, что от мецкого собрания сохранились не только «сценарии», но и записи наблюдателей, видевших, какие церемонии на самом деле имели место. (От нюрнбергского съезда аналогичных документов не сохранилось). Даже при самом беглом сопоставлении свидетельств хронистов с записями третьего церемониального раздела Золотой буллы становится очевидно, что положения, записанные в «сценарии», были в самом «спектакле» во многом изменены. Как именно, — тема отдельного исследования.

A Silver Rod, a Seal on the Neck, and a Windle of Oat: On the Third Ceremonial Part of the Golden Bull of 1356

Mikhail Boitsov

Lomonosov Moscow State University –
Higher School of Economics National Research University,
Moscow

This paper is devoted to the third and last, ceremonial part of Charles IV's Golden Bull (chapters 26, 27, and 28). It is widely accepted that its first and second parts were composed in Prague and during the imperial gathering in Nuremberg, which lasted from November 1355 through early January 1356. The purpose of this gathering was the introduction of elector princes to the new emperor – Charles IV, enthroned in Rome a few months prior. The author of the paper links the appearance of the third part with the next princely gathering that took part in Metz in the late 1356. In contrast to the one in Nuremberg, the gathering in Metz turned out to be a brilliant political demonstration, which drew much attention from contemporaries. The dynamic structure of two of the three 'ceremonial' chapters of the Golden Bull, and their similarity to theatrical performance that they should be considered as reworked scenarios (*ordines*) prepared for the gathering; in other words, they represented a more or less real ceremony that took place in Metz. The new feature of that ceremony was the ritual of demonstrating royal insignia – seals and crowns, the 'Aachen' and the 'Milanese' ones that had not been previously mentioned in the Bull. In contrast to the Nuremberg chapters, the final part of the ceremony is also described in detail – the 'service' of the Prince of Saxony in front of the imperial throne set on a high podium. Using silver measuring instruments, a rod (*baculum*) and a windle (*mensura*), the prince measures a portion of oat for the royal horse from the pile in front of the podium. After this ceremony, the emperor moves to the festive table. Previously scholars used to believe that the feast was the only content of the ceremony. However, the author of the present paper suggests that the procession and the feast described in the Golden Bull presented a kind of ceremonial 'framework' that could embrace various activities (announcement of new laws, reception of ambassadors, etc.). The political symbolism of these ceremonies underlined the supreme status of the emperor, as powerful princes 'serve' him obediently, thus demonstrating their own affiliation with the imperial state.

Оглавление

Обращение к читателю (С.П. Карпов)	5
Предисловие (С.С. Ванеян)	7
Список трудов И.И. Тучкова	11
Раздел 1. История искусства как история идей	
Налимова Н.А. «Исторический рельеф» до римлян (на материале памятников классической Ликии)	17
Осенмук В.В. Модель мироздания в средневековой живописи чань-буддизма	33
Гусарова Т.П. Миклош Олах и его интерпретация гуннской концепции происхождения венгров	50
Ефимова Е.А. Ренессансное витрувианство. Общие контуры теоретического направления	64
Маркова В.Э. К проблеме истоков итальянского натюрморта	88
Карев А.А. О месте Ф.С. Рокотова в русском искусстве XVIII века	103
Алленов М.М. Малевич 2014 года на выставке в Лондоне	124
Ванеян С.С. Нильс Лунинг Прак: филебовы тела и грэзы интеграции	147
Раздел 2. История искусства как судьба памятника	
Захарова А.В. Два золотых Евангелия: из второго Рима в первый и третий	209
Седов Вл.В. Церковь Успения в Клину: венецианский образ в древнерусском интерьере ...	220
Расторгуев В.А. О бюсте Франческо дель Неро в Итальянском дворике ГМИИ. Опыт исследования одной музейной этикетки	236
Игошина Е.П. Серия рисунков мастерской Веронезе-Дзелотти из ГМИИ имени А.С. Пушкина: к вопросу реконструкции росписи виллы Соранцо в Тревилле ди Кастьельфранко	262
Попова О.С. Из истории одной картины	273
Садков В.А. Вновь опознанные работы Отто ван Вена. К вопросу об индивидуальной стилистике и интернациональной типологии в европейском парадном портрете рубежа XVI и XVII веков	279
Веденеева Н.О. Первое «Испытание св. Антония» Жака Калло в собрании ГМИИ. К вопросу об истории создания и происхождении гравюры	301
Морозова С.С. Скульптура с бульвара Распай	313
Толстой А.В. Анненков – Блок. Диалог вокруг иллюстрации	322

Раздел 3. История искусства как история саморепрезентации

Никулина Н.М. О раннем этапе формирования официального художественного стиля в искусстве ахеменидского Ирана	361
Бойцов М.А. Серебряный жезл, печать на шее и мера овса. О третьем церемониальном разделе Золотой буллы 1356 года	371
Чуркина Д.А. Идея загородной жизни при феррарском дворе XV века: бытовые и художественные реалии	389
Лопухова М.А. О ранней декорации виллы Медичи в Поджо а Кайано	424
Кочеткова Е.С. Парковый ансамбль виллы д'Эсте в Тиволи: символическая топография искусства и природы	465
Дмитриева О.В. Сэр Генри Ли, портрет Елизаветы I из Дитчили и коды английской куртуазной культуры	488
Сиповская Н.В. Фарфоровый кабинет как политическая декларация: Китайский зал Царскосельского дворца Ф.Б. Растрелли	517
Вдовин Г.В. К семантике понятия «итальянское»: опыт позитивизма в изучении русской культуры конца XVIII века (на примере итальянского павильона дворца в Останкине)	530
Соколова М.В. Замковые формы в викторианской усадебной архитектуре	588
Summary	596

**AMANT ALTERNA CAMENAE:
СБОРНИК СТАТЕЙ К 60-ЛЕТИЮ И.И. ТУЧКОВА**

Научное издание

Формат 60×84/16. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Объём 39 печ. л. Уч.-изд.л. 28,22. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-901882-65-8

9 785901 882658